

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Воровской излом

На этом пути
ломаются
даже самые
крепкие

РАВИЛЬ ВАЛИЕВ

Детектив-Ностальгия

Равиль Валиев

Воровской излом

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валиев Р. Р.

Воровской излом / Р. Р. Валиев — «Эксмо», 2023 — (Детектив-Ностальгия)

Романы о настоящих героях своей эпохи – сотрудниках советской милиции, людях, для которых служебный подвиг – обыденное дело. Конец семидесятых годов. В Подмосковье при перевозке по железной дороге участились случаи кражи психотропных медикаментов. Поимка воров поручена подполковнику милиции Александру Меркульеву. Он понимает, что в таком серьезном преступлении должна быть задействована целая банда, в которую может входить кто-то из руководства товарной станции. Но как их выявить? Установив в результате оперативной разработки одного из налетчиков, Меркульев решает через него внедрить в банду курсанта Школы милиции Бориса Самохина. Оказавшись один на один с озверевшими уголовниками, Борис готовится к самому серьезному своему экзамену... Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Валиев Р. Р., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Равиль Валиев	5
Пролог	6
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Равиль Валиев

Воровской излом

© Валиев Р.Р., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

Чему мы должны учить молодежь и как она должна учиться (конечно, не только в школьном, но в более широком смысле – в смысле науки жизни), чтобы стать достойной строительницей коммунизма, – это и теперь главное в работе комсомола и в партийном руководстве этой работой.

Л. И. Брежнев. Открытие XVIII съезда ВЛКСМ

Монотонный перестук колес, местами неожиданно сбивающийся с ритма, гипнотизировал сознание – «Усни, усни, усни...». Жесткая плоскость деревянной скамьи назойливо давила на крестец, но принятая поза дарила такой уют и покой, что менять ее никак не хотелось.

Борис поерзал, устраиваясь еще удобней, и, сонно помаргивая, огляделся вокруг. Полу-пустой вагон электрички, неумоимо несущей его домой, полуосвещенный рядом тусклых плафонов под потолком, мерно покачивался на некрутых поворотах. Темные окна возвращали внутрь неприглядную потертость вагонного бытия – ночь уже давно царствовала снаружи.

Легкий весенний морозец остался за железной шкурой эмпээсовского монстра, но внутри вагона электрическое тепло дарило приятное чувство комфорта.

Борис, наученный долгим опытом, выбрал место с электропечкой под сиденьем и теперь, довольный, радовался теплу. Что еще нужно после целого дня беготни на свежем, местами даже очень, воздухе? Покой, тепло и... малая толика старого доброго «Коктебеля», выпитого с друзьями после законченного сложного дела. Приятные коньячные волны мягко заполняли расслабленный разум.

Он мельком глянул на свое отражение в окне. А что? Вроде ничего себе... На него смотрел молодой мужчина в модной ондатровой ушанке. Серые глаза, светлые брови, тонкие усики над верхней губой – он знал, что нравится девчонкам. Тем более в этой роскошной летной куртке – мечте всех его сверстников.

Он самодовольно огляделся. Но немногочисленные пассажиры позднего маршрута были заняты собой. Тихо, наклонившись друг к другу, о чем-то разговаривали две замотанные в одежды до глаз пожилые женщины. Несколько мужчин дремали, синхронно и смешно качая головами на поворотах.

Борис прикрыл глаза, немного сполз по спинке и вернулся в наполненную перестуком колес дрему.

Лениво перебирая бестолковый поток мыслей, зацепился за одну. Встряхнул и внутренне улыбнулся. Ленка... Бездонная глубина серых глаз заполнила влюбленную душу. Он представил, как она ждет его, как, поглядывая на часы, перебирает на коленях его старые рубашки. Тонкие, прозрачные пальцы нервно ласкают потрепанный ворот, а непослушная челка то и дело сползает на глаза. Тихий восторг заставил его задержать дыхание. Он до сих пор не верил, что в его простую жизнь пришел такой подарок, такое чудо – Ленка...

Поезд сильно потрянуло, и поток мыслей совершил неожиданный поворот – в голову пришло еще одно воспоминание...

– Боря, ты пойми – чтобы управлять людьми, просто должности недостаточно. – Николай долил в граненый стакан кипятка и с кряхтением сел на потрепанное кресло, которое придушенно пискнуло под его весом. – Авторитета словами не добьешься...

Он поднял палец и внимательно посмотрел на съжившегося Бориса. Тесная прорабская насквозь пропахла запахами стройки: бетон, дерево, пыль. От сухого воздуха, нагретого раскаленной спиралью обогревателя, першило в горле.

– Вот ты думаешь, я тебя сейчас распекать буду, что не успели блок к бетону подготовить? – Начальник участка заглянул Борису в глаза. – Нет, брат, это ты сам себе наказание распишешь. А я бы хотел услышать – кто виноват, по твоему мнению?

– Да все виноваты, – после томительной паузы буркнул Борис.

– Нет! – неожиданно грохнул по столу Николаич.

Он медленно вытер ладонью пролившуюся воду из стакана и уже спокойно продолжил:

– Нет, Боря. Ты виноват. Хотя ты только начинаешь свой путь, но должен запомнить раз и навсегда: ты – руководитель. И неважно, что твоя должность пока – мастер участка. Твоя смена – это твоя зона ответственности, и спрашивать за нее будут только с тебя! Это как... – Он пощелкал пальцами и неожиданно спросил: – Ты же в погранвойсках служил?

Борис вздрогнул:

– Да...

– Вот, – не дожидаясь ответа, продолжил Николаич, – ты уходишь с группой в наряд, и никто не контролирует ни тебя, ни твою группу. Вы самостоятельно решаете поставленную задачу, но за всех отвечает командир группы, так?

– Так, – уже понимая, куда клонит хитрый начальник участка, ответил Борис.

– Ну вот, Боря, и здесь так же. Ошибаются все, но отвечает кто-то один. Ты за своих рабочих, я – за тебя, а за меня – главный инженер, за него – руководитель предприятия и так далее. Поэтому ответственность у нас такая большая...

– Но как я могу рабочих ускорить, Сергей Николаевич? – решился вставить свое слово Борис. – В армии все просто: есть приказ, и все, должен выполнять. А здесь... все такие разные...

Николаич откинулся на спинку, прищурил глаз.

– А вот тут, Боря, можно и нужно только своим авторитетом действовать. Который только вниманием к людям добывается. И знаниями, конечно, как в нашем деле без знаний... Но... не механизмы сами собой работают, не инструмент сам трудится – люди все своими руками делают, Борис, люди! Ты с одним поговори, другого похвали, а третьего отругай. Это твои люди, к каждому подход нужен. Я еще раз повторю: не должность делает человека руководителем, а его человечность... Понял?

Он обернулся и глянул на плохонькую фотографию в деревянной рамке, висящую на стене. Вечный Ильич мудро и терпеливо смотрел на Бориса.

– Ленин говорил: «О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его», так-то, Борис... Делай прежде всего сам, и люди к тебе потянутся.

Вождь с фотографии одобряюще подмигнул. Борис тряхнул головой. Наваждение пропало.

Совершенно неожиданно добрая улыбка раскрасила морщинистое лицо много повидавшего Николаича.

– Давай – отдыхай! Следующая смена у тебя – ночная. – Он махнул рукой и шумно отхлебнул чай из стакана. – А мне еще арматуру заказывать.

Борис встал со скамейки, стоящей вдоль длинного стола, заваленного чертежами.

– Спасибо, Сергей Николаевич! – Он немного помялся. – А вы тоже в погранвойсках служили?

Николаич улыбнулся:

– Нет, брат. Моряк я... Черноморский флот... Каперанг, начальник БЧ-1. Линкор «Новороссийск», сынок, если ты слышал... – Он нахмурился, пожал плечами и непонятно закончил: – Который был...

– Братан, свободно?

Вежливый голос грубо вырвал Бориса из тягучего болота памяти. Он вздрогнул и открыл глаза. Над ним, внимательно заглядывая в лицо, навис молодой мужчина, примерно одного с ним возраста.

Вздохмаченный рыжий чуб огненным языком вырывался из-под серой заячьей ушанки, весело разукрашенные веснушками налитые румяные щеки. Синие полосы тельняшки морским бризом оведали крепкую шею незнакомца. Расставив ноги в светлых валенках, он твердо стоял между сиденьями, держа руки в карманах расстегнутого овчинного полушубка.

Борис оглянулся. Вокруг пустовало достаточно мест, но почему бы и нет? Он пожал плечами и неопределенно кивнул:

– Да...

– Во! Здорово! – бухнулся на скамейку незнакомец, заполняя окружающее пространство крепким перегарным амбре. – А то зырю, блин, одни бабки здесь... Митька.

Он мазнул взглядом по добротным кожаным «сороходам» Бориса и протянул руку. Борис нехотя вынул руку из кармана и, тихо сетуя на нарушенный покой, пожал горячую лапу парня. От энергичной тряски закружилась голова.

– Хожу, слышь, по вагонам, а побазарить не с кем! – не дожидаясь ответа, словоохотливо молол непрошенный попутчик. – Бухтят сограждане. А я, блин, со свадьбы еду, друга проводил в женатики, слышь, братан! А ты-то чо такой смурной?

Борис слегка отвернулся и поморщился. Жаль было потерянного спокойствия, но просто и безболезненно избавиться от этого громкого болтуна никакой возможности не было.

– Да так, с работы еду, – промямлил он, злясь на себя, – домой...

– Ха! – громко хлопнул себя по ляжке Митька. – Клево! Ты в город?

Борис внимательней пригляделся к нему. За прямо-таки кричащей простотой парня проглядывал какой-то подвох. Борис чувствовал это, но никак не мог сформулировать – сонное состояние и легкое опьянение ставили непреодолимый заслон критичному мышлению. От умственного напряжения отчаянно заболела голова.

Парень ожидающе и внимательно ждал ответа.

Борис расслабился – какого черта! Свой парень вроде бы...

– Ага...

– Неразговорчивый ты, однако. – Митька уселся поплотнее, быстро оглянулся и слегка наклонился к Борису: – А может, слышь, по глоточку, а? Догнаться. У меня есть... А одному, блин, стремно...

Он приоткрыл полу полушубка. Тускло блеснуло горлышко бутылки.

– Ваше завал, братан! Бухнуть охота, а не с кем... Со свадьбы тащу – одно старичье вокруг, давай, а? – Он с мольбой заглядывал Борису в глаза, одновременно суетливо выворачивая из внутреннего кармана бутылку. – Трубы горят, блин!

Наконец выдернул сосуд с мутной жидкостью, ловким движением выдернул бумажную пробку и воткнул горлышко себе в рот. Несколько раз булькнул, расслабленно откинулся на спинку, блаженно улыбнулся и протянул бутылку Борису:

– Атас...

Борис наконец вынырнул из неприятного оцепенения. Пить не хотелось абсолютно, но это был хоть какой-то шанс избавиться от назойливого попутчика. После недолгого колебания взял бутылку, понюхал. Резкий запах самогона ударил в нос. Он поморщился, но поднес горлышко ко рту. Тотчас горькая жидкость заполнила рот. Чтобы не выплюнуть отвратительное пойло, пришлось проглотить. Как ни странно, второй глоток прошел гораздо легче. Борис с трудом выдохнул.

Митька громко засмеялся и вырвал бутылку из рук мгновенно ослабевшего Бориса. Тщательно протер горлышко, запечатал его бумажной пробкой и затолкал в карман полушубка. Заглядывая в глаза, пробормотал:

– О, то – дело, братан! Шас пойдет как миленькая!

Борису резко подурнело. Он попытался встать, но крепкая рука опустилась на его плечо. Митька быстро огляделся и пугающе жестко произнес:

– Сиди, терпила...

Часть первая

В последний период партия и Центральный комитет сделали многое, чтобы развязать творческую инициативу наших людей, создать атмосферу уверенности, открыть простор для проявления каждым своих деловых, организаторских способностей. Можно было бы привести сотни примеров, когда в результате инициативы, принятия самостоятельных решений, нередко связанных с определенным, но оправданным риском, получают хорошие, эффективные результаты.
Л. И. Брежнев. Выступление на Пленуме ЦК КПСС, 15 декабря 1969 г.

Глава 1

Видавший виды милицейский «уазик», завывая мотором на крутых подъемах, ворчливо рассказывал о своей нелегкой жизни. Желтые пятна фар выхватывали из темноты косматые лапы деревьев, со скрипом оставляющие свои отметки на потертом кузове ветерана.

Водитель машины, сержант Никоненко, такой же потрепанный, как и его автомобиль, крепко сжимал круг рулевого колеса, внимательно и серьезно глядя в освещенное пространство, совершенно справедливо ожидая от него подвохов. Слабый отсвет панели приборов смешно освещал его рыжие усы.

Меркульев с отвращением покатал во рту горькую слюну, поглядел на зажатый в руке погасший бычок очередной «беломорины» и тяжело вздохнул.

В тесной кабине, под завязку забитой сотрудниками, стоял тяжелый запах табачного дыма, мужского пота и оружейного масла. На любую попытку открыть окна Никоненко реагировал коротким рыком – в его маленьком передвижном мирке любое действие с внутренними механизмами приводило к неминуемой поломке. Автомобиль был настолько дряхлый, что иногда казалось, будто он передвигается только на волевых качествах сержанта.

Меркульев в очередной раз прокрутил в голове план операции. Мысли привычно легли в наезженную колею – этим он занимался все последние двадцать четыре часа. С момента получения разрешения прокурора до отправки оперативной группы.

Он поерзал на сиденье, еще раз провел рукой по холодной коже кобуры и прислушался к тихому говору в кабине. Тонкий ручеек разговора органично вплетался в хрипы и стоны мотора, создавая фон тряского движения экипажа в кромешной темноте окружающего пространства.

Густой лес пригородных просторов не был виден, но отчетливо угадывался давлением зеленой массы, окружающей дорогу.

– Мать его, баллон проткнешь на такой дороге, – тихо, в усы, матерился Никоненко, лихорадочно выкручивая руль.

– ...Зинка принесла эти сапоги, грит: «Надо брать», а я ей: «На кой? Где деньги взять, зарплата-то через неделю», – делился своими бедами старлей Лункин, недавно женившийся и еще озадаченный новыми ощущениями.

– Дык бабам не докажешь, – тихо поддержал его многоопытный Рахманов.

Свиренко молчал. Впрочем, как и всегда, – вытянуть слово у неразговорчивого богатыря – та еще задача.

Вот и вся его команда. Предпензионер Никоненко, старый служака, хотя и выбивающий еще призовые в тире управления. Молодой Лункин, мастер спорта по самбо. Рахманов, ничем, кроме мастерского владения шашкой, особо не выдающийся, гигант Свиренко и сам Меркульев.

Пятеро сотрудников, не считая Сашки Патрушева. Но он там – «свой среди чужих». Вот кому сейчас нелегко. Меркульев еще раз вздохнул. Он искренне уважал черноглазого живчика, любимца всей женской половины работников отдела. Уважал и беспокоился.

Несмотря на бойкий и веселый характер, Сашка оказался вдумчивым и разумным сотрудником – качества очень нужные в уголовном розыске. Майору стоило большого труда переманить его из патрульной службы.

Теперь он отдувается за всех, находясь внутри банды...

Меркульев вновь прокрутил свой план. Внедрение Сашки прошло на редкость гладко. Благо дружище Константин, сослуживец и просто товарищ по бурной молодости, недавно назначенный на должность главного участкового инспектора службы профилактики угро, ошутимо помог. Просто за обещанный шашлык-машлык...

Костя подсказал нужное место сбора разного сброда, постоянно присутствующего на задворках любого советского города. Пьяницы, тунеядцы и разное отребье, паразитирующее на нормальном трудовом обществе. Именно эти люди питали тот страшный коктейль преступного мира, в котором годами варился Меркульев.

Ему иногда было трудно и мучительно общаться с обычными людьми – взгляд и слух выхватывали малейшее проявление гнили. Он понимал и знал, что такое профессиональное выгорание, новомодная психология всем в помощь, но что с этим делать – он так и не научился. Ему было комфортно в своем, привычном круге. Работа и еще раз работа. Вся его семья – вот эти ребята, ежедневно вычищающие авгиевы конюшни здорового, как еще надеялся Меркульев, общества, несмотря ни на что стремящегося к светлому будущему. Именно так, «светлому» – только эта эфемерная вера во вложенные ему в голову ценности помогала майору безболезненно проходить через все препоны и соблазны стандартного бытового существования.

Он мимолетно задумался: а как его видят соратники? Суровый, рано постаревший холостяк, убивающий свою жизнь на работе? Давно уже ушли «зубры», которые учили Меркульева, – настоящие профессионалы, коммунисты, прошедшие ад войны. Для которых работа была превыше всего. Это они боролись с плесенью, покрывающей общество, и не видели для себя лучшей судьбы, чем служить своему народу и советской власти. Теперь все не так. Измельчали люди...

«Уазик» сильно потрянуло на ухабе. Под рык Никоненко майор вернулся в действительность.

Бандитская группировка определилась быстро – участвовавшие грабежи на пригородных электричках не могли пройти мимо инспекторов. Все же там толковые ребята служили. Сашка, слегка обросший и полупьяный, отправился проверять свою легенду.

Молодец парень. Он сам придумал план, Меркульеву оставалось только слегка подкорректировать его и обеспечить прикрытия. В том числе и перед женой Патрушева – такой же бойкой бабенкой, с глазами-вишенками. Обещание премии сгладило ей и маленькой дочурке ожидание «загулявшего» супруга.

Долгая «работа» Сашки наконец принесла свои плоды – после особо удачного налета почти вся банда, вместе с главарями, собиралась сегодня «на хате». Одна из дач в пригороде, давно превращенная в место сбора бандитов, стала известна благодаря деятельности энергичного старлея.

Капитана уже, наверное, – Меркульев улыбнулся про себя. Вырос парень. Пора двигаться по службе. И Лункину тоже. Нужно будет рапорт подать на повышение после этой операции. Он оглянулся назад, наткнувшись на внимательные глаза враз замолчавших сотрудников. Волнуются. И это правильно.

– Как вы? – выдохнул застоявшийся воздух Меркульев.

– Нормально, товарищ майор! – ответил за всех Рахманов, опытным нутром почувствовавший изменение настроения начальства. – Скоро уже?

– Подъезжаем... – буркнул Меркульев. Он не очень любил эти моменты. Все уже обсудили, распланировали, а что-то еще нужно сказать одобряющее. Так он и не избавился от этой ненужной ответственности.

– Тарас Иванович, скоро? – переадресовал Меркульев вопрос водителю.

– Дык уже, Саньч. – Сержант взгляделся в ночь. – Вон тот поворот, потом еще две улицы и лесочек перед усадьбой...

– У леса останови, – приказал Меркульев.

– Есть! – подобрался Никоненко.

Сзади заворочались. Резко пахло мускусом. Меркульев поморщился – перед захватом волнение всегда в избытке. Главное, перебороть этот древний страх.

– Марат, связь с диспетчером! – жестким голосом ввел подчиненных в рабочее состояние майор. Он знал: люди боятся всегда, а в их деле – особенно. Человек без страха становился безрассуден, то есть безумен. Зато занятому делом человеку некогда подчиняться разрушающему чувству.

– Есть, товарищ майор! – Бывший прапорщик ВДВ Рахманов дотянулся до рации на центральной панели, вытянул шнур микрофона. Под ревнивым взглядом Никанорова пощелкал тумблерами.

Майор отключился от бубнения подчиненного и, глядя в отсветы фар на боковом стекле, снова прокрутил план захвата.

Казалось, все было продумано. Банда в количестве восьми человек плюс Сашка в полном составе отмечала удачное завершение очередного преступления. Как старлею удалось добраться до телефона – бог весть. Но факт удачных совпадений налицо – вовремя переданная информация, понятливый прокурор и участливое начальство, которое неожиданно раскошело на царский подарок – для усиления группы Меркульева был выделен целый взвод учебной роты специального назначения!

Недавно созданное подразделение на базе полка имени Дзержинского внутренних войск МВД СССР готовилось к охране Олимпийских игр–80. Бравые ребята – все срочники-спортсмены. Меркульев лично знал комвзвода капитана Мальцева. Они не раз встречались с Володей на оперативках. Вот уж кто мастер своего дела...

Было бы интересно поработать с ними. Хотя Меркульев искренне считал, что для ареста этой шпаны хватило бы и его команды, усиленной в лучшем случае ребятами из ППС. Но что поделать – спецназу тоже нужно тренироваться.

Майор искоса посмотрел на бледно освещенное лицо Рахманова, до сих пор безуспешно вызывающего диспетчерскую. Жесткий мужик. Не даст слабину – в этом Меркульев был уверен на все сто процентов. И по силе – не слабее спецов. А уж в связке с Лункиным и Свиренко...

– Ну?

– Нет связи, Сан Саныч, – виновато пробурчал прапорщик.

– Тут – яма, – неожиданно для всех сообщил Свиренко. Он истово увлекался радиodelом, и к его мнению стоило прислушаться.

– Радиояма... недотягивает наша слабая станция. Нужно где-нибудь на пригорке встать...

Рахманов пожал плечами и вопросительно посмотрел на командира.

– Хорошо, – после некоторого раздумья ответил майор, – тот лесочек аккурат на горке, там и попробуем.

Глава 2

Боль была повсюду. Штиль дикой слабости перемежался ураганом пульсирующей рези. Воздух приходилось с трудом продавливать в легкие, что требовало осознанного решения, взамен подаренного Богом безусловного рефлекса.

И еще – воняло. Запах рвоты сводил с ума, заставляя тело извиваться в конвульсиях, раз за разом исторгая из себя отраву.

Борис последний раз изогнулся, со стоном впуская в себя морозный воздух. Окружающее пространство оглушающим ударом вернуло его в действительность. Боль и холод. Он с трудом открыл глаза. Повернул голову и попытался сфокусировать зрение.

Темнота, перемежаемая расплывчатыми огоньками. Он разогнул скрюченное в пароксизме боли тело и перекатился на спину. Стало легче, хотя при этом многочисленные копыя тотчас вонзились в кожу спины.

Небо. Ночь. Луна. Боль и холод.

Разум наконец-то начал возвращаться в многострадальную голову. Вместе с тем пришло осознание бедственного положения.

Он лежал на колючем щебне откоса железнодорожной насыпи. Практически голый на весеннем морозе – хотя штаны, рубашку и носки грабители великодушно оставили, но пар изо рта недвусмысленно намекал на серьезную проблему. Ноги затекли и почти не ощущались.

Борис напрягся и, опираясь на непослушные руки, с трудом стал на четвереньки. Резко замутило. Он оглянулся.

Мерцающие в лунном свете ниточки рельс уходили влево и вправо, теряясь в дымчатой дали. На границе зрения, в просвете черных силуэтов деревьев, дразнило скопище светлых пятен. Москва. Место, куда Борису жизненно необходимо добраться. Неумолимый инстинкт диктовал свои условия – чтобы выжить, нужно было двигаться. Рефлексия откладывается на потом. Как и воспоминания.

Он собрал силы и с трудом встал на подкашивающиеся ноги. Резко закололо в подошвах. Слава богу, чувствительность не пропала, значит, есть шанс! Он еще раз осмотрелся. Требовалось хоть что-то, что могло его обогреть. Ничего. Только свист ветра и дикий холод.

Неподалеку, рядом с откосом, темнел какой-то массивный предмет. Зрение изредка ловило на его боках металлический отблеск. Не в силах противиться возникшему желанию и неуместной надежде, Борис поковылял по ледяным шпалам.

Небольшой металлический ящик с двумя тонкими тросиками, прикрепленными к рельсам, разделенным стыком. Борис напряг память – холод и невыносимая боль в ступнях успешно стимулировали замерзающий разум.

Путевой ящик. Какая-то штука для связи на железной дороге – всплыли давно забытые знания из института. Связь! Сознание зацепилось за слово. Пришло решение: нарушив контакты, он привлечет к себе чье-нибудь внимание.

Борис осмотрел ящик, но кроме этих тросиков, закрепленных болтами на боковых сторонах рельса, ничего не было. Беспомощно оглянулся – ничего подходящего для взлома не видно. Инстинкт вновь подсказал решение. Он проковылял к краю насыпи и подобрал большой камень. С трудом донес и уронил его на ящик. С надеждой нагнулся посмотреть. Увы.

После бесконечных секунд отчаяния Бориса захлестнула неожиданная злость. Злость на весь этот несправедливый мир, на собственную глупость. Он поднял голову и отчаянно закричал в холодное пространство, но пар изо рта слоистым покрывалом перекрыл мерцание равнодушного небосвода.

Воспоминания о пережитом мгновенно и безжалостно заполнили его разум. Боже, какой он глупец!

Перед глазами всплыло рыжее лицо Митьки, и неожиданно изнутри, медленно, но неотвратно проявилось странное смутное чувство. Борис на секунду замер – он до сих пор не знал, что способен испытывать его столь ярко. Ненависть. Она неожиданно придала ему силы. Он схватил камень и принялся раз за разом опускать его на этот треклятый трос, остервенело вколачивая в металл свою глупость, свое высокомерие и самонадеянность.

Через несколько казавшихся бесконечными минут Борис без сил опустился на колени – ядовитое чувство ненависти высосало почти всю энергию. Сквозь слезы, не веря себе, он посмотрел на болтающийся обрубок троса. Он все же победил...

Теперь осталось дожидаться какой-нибудь реакции. Тело неумолимо сковывала немота, потянуло в сон. Он с трудом поднял голову. Расплывшееся сознание подсказало – пока можно прилечь рядом с ящиком, на этот мягкий пучок травы... Травы!

Собрав последние силы, обдирая о щебень в кровь колени, он дополз до края насыпи и скатился в густую стену сухостоя. Едва восстановив дыхание после ошеломительного падения, начал набирать полные пригоршни жестких стеблей и набивать ими рубашку и брюки. Было колко и противно, но стало ощутимо теплей. Наконец, набив травой носки, он перевел дух.

Спать захотелось еще сильнее, но тянущая боль в ступнях ослабла – сухая, пахнущая тленом и пылью трава, как и ожидалось, стала неплохим теплоизолятором. Мерзли голова, открытые части рук и ног, но, как надеялся Борис, жизненно важные органы он защитил.

Теперь нужно было дожить до помощи. Он пошевелил пальцами ног – боль ощущалась на грани восприятия. Плохо. Если он перестанет их чувствовать – конец.

С тоской прислушался, но в ответ только ветер и шелест голых веток, поющих свою тоскливую песню. В глаза кольнул далекий отсвет городских огней. Нужно идти, иначе смерть, Борис понимал это со всей ответственностью. Холод, даже такой слабый – ну, сколько там, минус два, три градуса неумолимо высосет из него жизнь.

Он с трудом поднялся на ноги – оравленный, ограбленный, обмороженный и такой нелепый в штанах, рубашке и носках, набитых сухой травой. Сделал первый шаг. Затем второй, третий...

Что заставляет нас жить? Простой вопрос, который вряд ли задает себе среднестатистический человек, который практически бессознательно балансирует между жизнью и смертью, крайне редко отвлекаясь на то, чтобы задуматься над этим простым фактом. [«Человек закован в свое одиночество и приговорен к смерти»](#), – великий Лев Николаевич с высоты своей мудрости знал, о чем говорил.

Смерть поджидает нас повсюду. С момента рождения, который сам по себе есть акт величайшей опасности, всю жизнь мы двигаемся по полю вероятности, где процент, позволяющий выжить, явно меньше многочисленных возможностей умереть. При этом мы лихорадочно стремимся сохранить себя в вечности. Через дела, через детей. Суеتمدимся.

Но все это невозможно делать без воли. Есть воля – есть человек! Нет воли – нет человека!

Воля и жажда жизни заставляют нас сделать и первый крик, и первый шаг. Первый поступок и первое предательство – на это тоже нужна воля.

Борис, стиснув зубы и почти ничего не видя слезящимися глазами, делал шаг за шагом. Спасая не только свое тело, но и выковывая в этой мучительной борьбе свой характер. Он боролся с холодом и безучастным пространством, с желанием лечь и уснуть. Именно воля, заложенная в нем, не позволяла ему сдаться. Воля, делающая сейчас из слюняка мужчину.

Он шел, спотыкаясь на шпалах, упрямо опустив подбородок, не замечая приближающийся мутный огонек путевой дрезины. Он интуитивно знал – Бог спасает всех...

– ...Что же это делается-то? – Тихий, сварливо-скрипучий голос настойчиво тянул Бориса из топкой трясины. – Как же так можно-то, а? И-эх, люди, люди...

Истерзанное сознание отказывалось выползти из безопасного убежища, но голос был настолько назойлив, что сопротивляться ему не было сил. Против своей воли он прислушивался к монотонному потоку слов, произносимых явно пожилым человеком, привыкшим общаться с самим собой. Тело наслаждалось восхитительным теплом, и Борис не спешил открывать глаза.

– Как же можно, раздетым, ночью по морозу-то, а? Совсем не думают люди. И еще казенное имущество портят.

Борис почувствовал щекочущий мясной запах и неожиданно для себя громко икнул.

Он открыл глаза и сонно заморгал. Взгляд сфокусировался на лице мужчины, с тревогой заглядывающего Борису в глаза. Сеточка морщин вокруг слегка выцветших карих глаз, седая клочковатая борода – он не был так стар, как казался по голосу. Лет пятьдесят пять, наверное... с хвостиком.

– Очнулся, паря? – неуверенно спросил мужчина. – А я тебе вот, бульон приготовил. Замерз ты...

Он поднял металлическую эмалированную кружку на уровень глаз Бориса. Тот слотнул слюну и медленно огляделся.

Небольшая комната. Тусклая лампа под газетным абажуром тщетно силилась осветить темные углы. Раскаленная докрасна железная печка распространяла волны благодатного тепла. В углу – заваленный хламом письменный стол и кособокий шкаф. Все потрепанное, старое и неровное. Нужно признать – под стать гостеприимному хозяину.

Обоняние дразнил запах куриного бульона, который перебивал терпкий запах пыли, золы и давно не стиранной одежды.

Борис, закутанный до глаз в теплое ватное одеяло, лежал на низкой тахте, всей кожей ощущая ее бугристую поверхность.

– Ну? – настойчиво повторил хозяин, приподнявшись с деревянной табуретки. Кружка опасно накренилась в его руках.

– Очнулся, – прохрипел Борис, опасливо косясь на руки мужчины.

– Вот и хорошо! Пей! – Хозяин протянул ему кружку.

Борис выпростал одну руку – до слез не хотелось выбираться из этой уютной берлоги, – взялся за горячий сосуд и с восторгом вдохнул живительный аромат. Горячий комок провалился в горло, растапливая холод, казалось, навечно поселившийся в теле.

– Вот... – заботливо придерживая доньшко, довольно пробормотал хозяин, – пей давай. Курочка не даром под солнышком ходила, здоровья тебе накопила. А то, видишь, по морозу-то топтаться – не ровен час и отдашь богу душу... Ты чего, милоч, ночью, раздетый по железке-то шарился?

Он забрал пустую кружку из слабых рук Бориса и проницательно прищурился.

Борис понял – нужно говорить. И говорить только правду. Несмотря на свой простецкий вид, мужчина таил в себе какую-то загадку.

– Меня ограбили, – просто признался Борис.

После мгновенной паузы хозяин всплеснул руками, брызнув на стену остатками бульона.

– Ах, подонки! Совсем совесть потеряли. Это же надо было так над человеком измываться, изверги...

Он вскочил на ноги и принялся метаться в тесном промежутке между шкафом и обшитой облезлым дерматином входной дверью. Стала заметна сильная хромота мужчины.

– Как можно живого человека на мороз? Как? Это же верная смерть! Хорошо я на сигнал выехал – кто-то порвал путевой шлейф... А если бы чуть позже?

– А вы – кто? – Борис вставил вопрос и глубже зарылся в постель.

Мужчина резко остановился, пожевал губами. Затем быстрым движением вытер правую руку о штанину и протянул ее Борису.

– Муравьев. Виталий Савельевич. Дежурный по перегону, – церемонно произнес он. Борис пожал шершавую ладонь.

– Самохин Борис Федорович. Строитель. – Борис неосознанно повторил чужую интонацию.

Они несколько секунд смотрели друг на друга, затем неожиданно для самих себя громко рассмеялись.

Глава 3

Дом был большой. Два этажа бревенчатого массива в окружении черных елочных силуэтов. Ярко освещенные окна первого этажа бросали четко очерченные квадраты на слегка подмерзшую землю. К дверям вела гостеприимная дорожка, проложенная через частокол невысоких кустов. Окруженный темными, по-зимнему пустыми дачными домиками, дом этот прорисовывался серой громадой на фоне подсвеченных бессонной Москвой облаков.

Насколько можно было судить в сумерках, все вокруг прямо-таки дышало ухоженностью и спокойствием. Пижонско-белые «Жигули», поблескивая чистыми стеклами, добавляли этому месту респектабельности.

Свежий ветерок изредка доносил из дома звон посуды, громкие голоса, обрывки музыки и аппетитный запах жареного мяса. В доме явно веселились под шашлычок.

Меркульев поворочался на жестком пеньке. Битый час они сидели за невысоким штакетником, наблюдали за домом и не делали ровным счетом ничего.

Пятеро крепких мужчин в милицейской форме, вооруженные табельным ПМ, умеющие в одиночку справиться с парой-другой нарушителей.

Бездействие утомляло.

Лункин хрустнул костяшками пальцев, зябко повел плечами – апрельская ночь напоминала о недавней зиме. Майор неодобрительно покосился на него, но ничего не сказал. У него самого затекли ноги, он периодически вытягивал их, ловя отблеск оконного света на складках своих юфтевых сапог.

Свиренко, привалившись к забору темной глыбой, мерно сопел. Может, даже и спал – с него станется.

Вдруг в кустах зашуршало. Все одновременно настороженно повернулись на звук.

Влажные ветки, роняя на землю бриллианты замерзших капель, раздвинулись, и показалось виноватое лицо Никоненко.

– Тут такое, товарищ майор, достучался я до диспетчерской... – Он пожевал ус и замолчал.

– Ну? – не выдержал Меркульев.

– Не будет робят, отменили им выезд.

– Твою мать... – сплюнул майор, – что так?

Сержант пожал плечами.

– Дежурный grit, сняли их на задержание...

– А у нас что? Танцы? – Меркульев в сердцах стукнул кулаком по ладони.

Никоненко еще раз пожал плечами.

– Дежурный grit, отправит нам в помощь наряд ГАИ, только часа через два...

Майор вздохнул. Блин, а так все хорошо начиналось. Что же теперь делать-то? Сашка там, ждет оговоренного сигнала, а они тут топчутся... Но впятером на восьмерых матерых грабителей – расклад явно не в их пользу.

– А где Рахманов? – сердито спросил он ни в чем не повинного сержанта.

– Сказал – пошел в разведку по округе.

Что же, это похоже на бывалого вояку – Марат никогда не оставлял в тылу неразведанное пространство.

Меркульев задумался. Поднял голову.

– Иваныч, где мы сейчас, напомни?

– Красногорский район, Сан Саныч, – сержант пристально посмотрел на майора, – Архангельский поселок... Вон Юсупка справа...

– Так, – задумался вслух майор, – кто тут начальником опорного пункта... Ага, Огородников. Короче, нужно участковых поднимать и дружинников...

Он привстал и оглядел дом.

– Так. Игорь! Буди Свиренко и глаз не сводите с дома, если что, берите главных, Сашка подскажет. Марат вернется – будет с вами. Тарас Иванович – к рации, ГАИ вызывай, пригодятся. Я к автомату – звоню начальству, Лентищева будить буду... Думаю, Василий Михайлович поможет.

Бездействие закончилось. Лункин подобрался, толкнул ногой Свиренко. Тот было заворчал, но, быстро сориентировавшись в ситуации, присел на корточки. Блеснула сталь пистолета – оказывается, гигант все это время держал его в руках.

Меркульев изумленно покачал головой, но ничего не сказал. Вряд ли тут понадобится оружие – не того полета птички праздновали в доме свою удачу. Но, черт возьми, он доверял своему бойцу. И ценил его проницательность...

Телефонная будка оказалась там, где и указывал Никоненко, живой атлас Московской области, – через улицу. Единственное место в поселке, освещенное дежурным фонарем на стене административного здания. В сумраке пустого перекрестка виднелась небольшая аллея со светящимся отраженным светом бюстом неизменного Ленина, да следили за майором лица передовиков с доски почета.

Две копейки совершили свою привычную работу, и разбуженный и от того не слишком любезный начальник уголовного розыска ГУВД Московской области выслушал доклад о затруднениях майора.

Приз в виде семи матерых грабителей смягчил недовольство начальства, и Меркульев получил обещание привлечь к операции силы районной администрации.

Довольный, он продрался сквозь чьи-то насаждения – времени не было соблюдать особую щепетильность – и тихо подобрался к своему «штабу».

Вся команда была в сборе. Лункин затаился у самой калитки, знаком показав себе за спину. Это означало одно – Свиренко прикрывал ему тыл. Никоненко сидел на корточках возле заваленного прясла и напряженно всматривался в сторону дома. Рахманов сидел на командирском пенке и одной рукой прижимал к земле извивающегося человека...

Майор тихо выругался:

– Рахманов, кто это?!

– Болтался тут, – тихо ответил старшина, – с ножом. Все рвался какого-то обидчика покачать...

– Из этих? – Меркульев кивнул на дом, где гуляли грабители.

Человек замычал и начал извиваться еще сильнее. Меркульев знал – с Маратом на задержании шутки плохи. Внутренне добрый, когда надо, он превращался в машину.

– Не знаю. Не похож вроде...

Меркульев пожал плечами: еще одна забота. Ладно, потом разберемся.

– Группа будет через двадцать минут. Иваныч, что с гаишниками?

– Едут... – не поворачивая головы, спокойно ответил водитель.

– Ясно. Огородников своих поднимает. Будут еще дружинники. Давайте, ребята, на связь. – Он махнул Лункину: – Тарас Иванович, ты на себя ГАИ бери – пусть перекроют выезды из поселка. Марат, группу захвата выставь как надо.

Рахманов кивнул.

Подкрался Лункин.

– Игорь, ты со Свиренко расставь оцепление из ДНД... Все, ждем! – Майор хлопнул себя по коленке – вспомнил: – Этого – в «уазик»! Свиренко, отведи.

Старшина не мудрствуя лукаво взвалил на себя задержанного и потопал через кусты. Меркульев вздохнул и поплелся следом.

У машины Свиренко поставил свою ношу на ноги и прислонил к кузову. Майор подошел ближе и пристально заглянул в лицо парню. Лицо как лицо – молоденький, лет двадцати пяти, хорошо одет. Сердитый очень. Оно и понятно – кляп во рту.

– Молчать будешь?

Майор дождался утвердительного кивка и медленно потянул обшлюявленную тряпку, стараясь не задумываться, где ее взял Рахманов.

– Блин, вы че?! – бросил в лицо Меркульеву парень.

Майор успокаивающе похлопал его по плечу:

– Ты кто, паря? Откуда здесь?

Молодой человек покрутил головой, подергал связанными руками.

– Развяжите!

Милиционеры переглянулись.

– Да свой он, – ответил на повисший в воздухе вопрос Свиренко, – глаза не подлые...

Майор удивился такому наблюдению, но ничего не ответил, только кивнул в ответ. Гигант легко развернул парня, несколько секунд копался за его спиной, потом удовлетворенно выпрямился, держа на вытянутой руке какую-то длинную тряпку.

– О, то ж, – пробасил он удовлетворенно, – Марат шарфом перевязал... Будет теперь у меня за него танцевать...

Свиренко бережно свернул его и затолкал в карман шинели. Майор мимолетно переглянулся с парнем. Тот, казалось, все понял – в этом мелком эпизоде проявилась вся глубина товарищеских отношений в команде.

– Ну, давай, рассказывай, – поторопил его Меркульев, – имя, что ты тут делаешь с ножом, ну и все остальное.

Он уже дал внутреннюю оценку молодому человеку. Сильная личность: это видно и по упертой уверенности, и по тому, что не расклеился после «радушного» обхождения с ним Рахманова.

– Самохин Борис... – Парень начал снова возбуждаться: – Эти твари меня ограбили! Бросили в мороз на шпалы! Скоты! Но я их выследил – тут они! Помогите их поймать, товарищ майор!

– Тихо, тихо, – урезонил его Меркульев, – а с ножом-то зачем? Убить кого хочешь?

Парень осекся, тихо проговорил:

– Я... это... так, для остратки...

– Для остратки, говоришь? – вкрадчиво спросил милиционер. – Статья двести восемнадцатая УК РСФСР, от трех до пяти...

Парень совсем сник. Майор потрепал его по крепкому плечу.

– Ладно... разберемся потом... Борис. Что умеешь? Чем занимаешься? Где служил?

– Погранвойска, Пянджский погранотряд. Самбо... плавание, – глядя на Меркульева исподлобья, предельно четко ответил Борис. – Работаю на стройке, в ДНД хожу.

– О! Это хорошо. Комсомолец?

– Кандидат в партию, товарищ майор!

Меркульев внимательней взгляделся в честное лицо парня. В голове романтическая каша – тот еще Зорро, но ведь нашел, выследил своих обидчиков. Значит, есть жилка поисковая. Да и в силе воли не откажешь – вон как глаза горят. Решился.

– Отлично. Пойдешь в оцепление как дружинник... со Свиренко... Поможешь ему, только смотри мне – без выкрутасов! – Майор выдохнул: с одной заботой разобрались. – Олег, в твоё распоряжение. Идите!

Две фигуры развернулись и исчезли в сумраке.

В ту же секунду из окна высунулся Никоненко:

– Товарищ майор! ГАИ перекрыла въезды, ждут распоряжений. Дежурный отрапортовал – группа захвата на подъезде. И это... местные просят подойти к поссовету – там участковые собрались...

– Молодец Огородников! Тарас Иванович, передай всем: пусть ждут моего сигнала. Сам оставайся на связи, ты – наш главный диспетчер!

– Есть!

Глава 4

Сковорода уютно скворчала на газовой плите, рассказывая всем о своем содержимом, аромат которого сводил с ума. Божественная пища – яичница с салом.

Женские руки порхали над столом, создавая волшебство домашнего уюта. Борис сидел, прислонившись к стене, и медленно погружался в состояние абсолютного комфорта. Теплый душ, горячий чай и приближающийся ужин позволяли хоть ненадолго отвлечься от перипетий прошедших суток. Он – дома.

– ...А мы вообще все – в панике! Я к маме побежала, она не в курсе. Ночь же! Папа в командировке. В милицию позвонили, нам говорят – через сутки заявление примем. Караул. – Ленка остановилась, прижала руки к груди. – Борька, понимаешь, я очень испугалась...

Борис протянул руки и привлек к себе ее мягкое тело. Ленка тотчас плюхнулась ему на колени – их маленькая кухонька благопритствовала тесным контактам. Он снизу вверх заглянул в ее испуганные глаза. Ленка... Зарылся в теплые складки халата.

Девушка нежно провела рукой по его голове.

– Дурачок ты мой...

Борис вдохнул родной запах и блаженно закрыл глаза.

Сидя в только что благоустроенной кухоньке их новой квартиры, среди новостроек микрорайона Бибирево, легко было поверить, что эти события произошли не с ним. Что эта жуткая история написана каким-то мрачным писателем.

Здесь этого просто не могло быть. Здесь были светлые люди, здесь была полезная и интересная работа, здесь был мир. Тот мир, который радует человека, зовет его в будущее...

Страна готовилась к встрече Олимпиады-80, ЦСКА стал чемпионом, а СССР и США начали договариваться об ограничении ядерного оружия. Мир жил.

И еще, самое главное, здесь была его любовь.

Ленка всполошилась, спрыгнула с колен и с причитаниями сняла сковороду с огня. Борис улыбнулся ей вслед. Хозяйшкa... Взгляд упал на обветренные и оцарапанные руки, и память тотчас, услужливо и неотвратимо, прокрутила всю эту мучительную историю заново.

– ...Люди патологически жестоки. Убивать и мучить – это зашито в их коде. Вот я – маленький человек, я боюсь войны. Я так ее боюсь... а ведь я воевал, Борис... и я знаю, что это такое – человеческая жестокость...

Борис плавал в призрачном бульоне бессознания. Тело, спеленатое коконом одеяла, погруженное в теплую и безопасную утробу, не давало разуму шансов на проявление. Бормотание Муравьева доносилось до него словно через толстый слой ваты, почти не оставляя после себя следов.

– ...Я ведь Берлин брал, Боря... Против нас вышел гитлерюгенд. Дети... совсем мальцы. В больших шинелях, со штурмовыми винтовками и гранатами в руках... Они бросались под танки, стреляли нам в спину. И тогда я увидел, как озверели наши солдаты, Боря. Стальные люди, прошедшие половину Европы, выжившие в страшных боях и потерявшие родных и близких, они до конца держались, жалели этих детей... Но они не жалели нас. Накачанные до макушки ненавистью, они стреляли в упор... В опустивших оружие солдат. И тогда что-то приключилось с людьми. Я видел, как наш комвзвода, добрейшей души человек, Опанас Стоценко, штыком проколол двух подростков, раз за разом вонзая его в уже мертвые тела... Он тоже перестал быть человеком, Боря... Война отнимает разум... у всех...

Борис наконец уснул. Ему снился странный вокзал, наполненный разнообразным людом. В тесноте стояли и страшно молчали советские солдаты, подростки в немецкой форме, легионеры Рима, кочевники в островерхих шапках, индейцы Северной Америки и русские воины Александра Невского.

Вся эта разнообразная толпа пристально смотрела на Бориса, который барахтался в многочисленных простынях, обвивавших его тело. Вдруг в полнейшей тишине возник слабый звук – тонкий звон колокольчика. Такой беззащитный и нелепый в этой плотной и агрессивной тишине.

В многоголовом и многоглазом монолите возникла трещина. Люди, оглядываясь и опуская головы, расступались, пропуская кого-то, приближающегося из дальнего конца зала.

Борис перестал трепыхаться и напряг зрение. К звону колокольчика присоединилось цоканье копыт – по образовавшемуся проходу к нему приближался всадник. Усталый серый ослик нес средних лет мужчину, одетого в балахон.

Борис с изумлением рассматривал гостя. Короткая густая черная борода закрывала пол-лица, открывая неожиданно пронзительные карие глаза. Смуглая кожа лица, обветренных рук и тощих щиколоток, торчащих из-под балахона, резко оттенялась белоснежным сиянием ткани.

Ослик без видимого указания всадника остановился, не доходя до Бориса считанных шагов, и со вздохом опустил голову. Человек требовательно и сурово, но так же молча смотрел в глаза Борису. А тот не мог отвести взгляд от кровавых отметин на кистях и стопах человека.

Осознание приходило медленно, так же как он поднимал свои глаза. Это же...

–...Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных...

Солнечный свет заливал неказистое жилище дежурного, очищая в своем животворящем потоке окружающую нищету, высвечивая только то, что казалось сейчас важным и простым, – он был жив.

Борис приоткрыл глаза. Муравьев, крестясь и бормоча слова молитвы, кланялся сияющей иконе. И было это так естественно и привычно, будило такие глубокие струны в его русской душе, что у Бориса перехватило дыхание.

Потом он будет доставать это ощущение из кладовых своей комсомольской памяти, нежно сдвигать с него пыль и немного стыдливо вспоминать это трепетное чувство. Но это потом, а пока – покой и понимание проникали в его душу...

Горячий сладкий чай из коробочки с тремя слонами разогнал слабость. А беседа со странным дежурным, спасшим его от почти неминуемой инвалидности, а то и смерти, наполнила душу смятением. Никогда до этого не встречавшийся с этой стороной жизни, Борис с упоением слушал истории о войне, в корне отличающиеся от лощеных статей в «Комсомольской правде». Удивлялся рассудительности этого человека, его знанию подноготной международных отношений. Бывшего солдата, учителя и отца.

– Ох-хо-хо, Борис... Я ведь понимаю, что мои шансы выжить в этой мясорубке минимальные – либо мгновенная смерть, либо еще какой-то период мучений, но в любом случае – смерть. Не от войны, так от тягот эвакуации, холода, недоедания, отсутствия медикаментов. Я ведь готов защищать свою страну, только прекрасно понимаю, что толку от меня будет мало. Стар уже... А американцам мир не нужен, хоть Картер и говорит о разрядке. Глупости это, они не успокоятся, пока не оставят от всего мира обугленные головешки и миллионы мертвых тел... Россия всегда несла и будет нести страшный крест, от которого так просто не отделаешься. А я – маленький трусливый человек...

Потом была прощальная поездка на дрезине до товарной станции и долгий пеший переход по путанице железнодорожных путей в подаренных Муравьевым сапогах и пальто.

Стеклянная громада Курского вокзала под знаменитой ребристой крышей встретила молодого человека многоголосым шумом нескончаемого потока людей. Огромная площадь перед зданием была до отказа забита разноцветным стадом автомобилей и автобусов, между которых сновали пассажиры с баулами и чемоданами.

Полуденное солнце прогрело московский апрельский воздух, чириканье птиц встречало приход весны оглушающим гимном.

Борис угрюмо, не обращая внимания на тычки и окрики спешащих пассажиров, прорвался внутрь здания. Нашел указатель «Милиция» и пошлепал растоптанными резиновыми сапогами в нужную сторону.

Румяный молодой сержант, привстав из-за невысокой стойки, изумленно оглядел его нелепый наряд.

– Ограбили, говоришь... И документы, и одежду? – Он откинулся на заскрипевший стул. Потом неожиданно заорал в сторону:

– Семеныч! Выдь на минутку!

Из боковой двери появилось широкое рябое лицо.

– Че тут? – недовольно пробурчал милиционер, вытирая ладошкой мокрые губы под длинными усами.

– Ты смотри, Семеныч, что делается – алкаши уже совсем совесть потеряли! Прутся прямо в милицию, – издевательски объяснял сержант. – Заявление, говорит, буду писать... ограбили, мол...

– Я не алкаш... – попробовал оправдаться сбитый с толку Борис.

Семеныч сфокусировал на нем плавающий взгляд. Немного подумал и презрительно бросил, закрывая дверь:

– Бери его в обезьянник – пусть проспится...

В наступившей тишине стал слышен вокзальный шум за окном и тиканье круглых часов на стене. Борис обескураженно посмотрел на сержанта. Тот пожал плечами и, гадко улыбаясь, начал привставать.

– Начальство сказало – в КПЗ... Давай, милок, добром пойдем...

Борис вскочил с места, уронив кособокий стул:

– Вы что? Какое вы имеете право?! Какой я вам алкаш! Я Самохин Борис Федорович, мастер СМУ-162! Меня ограбили... Напоили и раздели! Понимаете?

– Да-да... разберемся. Напоили, да, – вкрадчиво мурлыкал сержант, осторожно приближаясь к Борису. – Давайте сами пройдем, а? Ножками...

Борис в панике огляделся. Происходящее не укладывалось в его голове: он пришел за помощью, а в результате какого-то чудовищного непонимания ему грозило заключение.

Входная дверь начала открываться, и это стало спусковым крючком для рефлексов Бориса. Одним огромным прыжком он вывернулся из рук сержанта и, сбив с ног ни в чем не повинную бабульку, стрелой метнулся в коридор.

Обескураженный разум в этой ситуации оказался бессилен, сейчас всеми действиями Бориса руководил инстинкт. Под пронзительную трель милицейского свистка он рванул по коридору, но в панике перепутал двери и оказался на узком балкончике, тянущемся вдоль всего здания. Тот, на его счастье, оказался пустым – сюда выходили только служебные помещения. Не задумываясь, Борис побежал туда, где виднелась спасительная лестница.

Глава 5

Грохот первого выстрела расколол хрупкую тишину рассвета.

Двадцатый калибр. «ИЖуха». Охотничий опыт определил оружие, но не помог понять, что случилось. Тут же в ответ защелкали ПМы, включаясь в немыслимую сейчас картину ночного боя.

Поднявшийся лай поселковых собак и гомон всполошившихся птиц добавили в окружающую какофонию новые суматошные звуки.

«Твою мать...» – Меркульев сорвался с места, инстинктивно выбирая маршрут. Рука привычно расстегнула кобуру. Холодный металл старого надежного ПМа удобно лег в ладонь.

«Как же так? Все было обговорено и утверждено».

Взвод, отправленный Володией Мальцевым, все молодцы как на подбор, в непривычной форме – камуфляж, каски, бронежилеты и укороченные АК – во главе с лейтенантом Лысюком полумесяцем окружил дом.

Несколько невыспавшихся и оттого сердитых участковых вместе с гаишниками перекрыли основные дороги.

Веселую, разномастную, полную боевого азарта толпу добровольной народной дружины Меркульев от греха подальше отправил перекрывать соседние дачи. С напутствием для Свиренко – сдерживать деятельных и полных сил молодых людей до последнего.

Все затаились в ожидании условного времени – «часа волка». Четыре, пять часов утра – самое то для захвата «усталых» бандитов.

Сам майор вместе с Никоненко остался около «уазика» – осуществлять связь между разрозненными группами.

Тут же, в уютном тупичке, ответвлении от основной улицы, притулились два «рафика», на которых приехали спецназовцы. Пропыленные, но не утратившие своей элегантности «латвийцы» бликовали отраженным лунным светом.

Наступила полная ожидания хрустальная тишина. «Клиенты» наконец уgomонились, почти все окна огромного дома погрузились в сонную темноту.

Спать хотелось неимоверно – зевота раздирала рот, глаза слипались. В мутноватом, нужно признать, сознании Меркульева билась тонкая и тревожная мысль: «Сашка должен как-то подать сигнал. Лезть в дом, не зная расположения комнат и бандитов в них, неразумно и опасно».

Только лейтенант мог провести группу захвата куда надо. В профессионализме ребят Мальцева майор не сомневался, как, впрочем, и в своих подчиненных. Но лезть вслепую... Этого он не мог допустить.

Пусть там были всего лишь мелкие бандиты и их было мало, но риск должен быть взвешен и оценен – это было его правило, его способ ведения войны. Меркульев любил и ценил своих людей. А не своих – тем более. Ведь все они были на его стороне. Той стороне, которая боролась за правду, а значит, за тот мир, который был ему дорог.

Единожды надев милицейскую форму, человек выбирал свой, особенный путь. Сухие строчки устава – «бдительно и самоотверженно нести службу, защищать интересы социалистического государства, честь, достоинство и права советских граждан от преступных посягательств» – скрывали в себе тот стержень, ту основу, на которую нанизывались жизни и судьбы его соратников и коллег. Его друзей, его однополчан.

Так он понимал свою службу.

Пятнадцатилетним подростком он встретил Великую Победу, за четыре года пройдя весь ад войны. Минский паренек познал все тяготы эвакуации – изнурительный труд, постоянный страх и голод. И вынес испепеляющую ненависть к врагу – и к чужому, но понятному в своем

желании уничтожить его народ, и к врагу внутреннему, разрушающему все усилия страны, бьющейся насмерть. Ко всем тем, кто, пользуясь временной слабостью воюющей власти, грабил незащищенных людей.

Бандиты, грабители, приспособленцы – вся эта мразь, которая паразитировала и процветала на чужом горе.

Во время своих многочисленных скитаний юный Саша Меркульев видел ограбленных и убитых за краюху хлеба людей. Видел сытых лоснящихся ворюг, вальяжно расхаживающих по подвластной им территории. Видел отчаяние старух, у которых карманники воровали последние гроши.

Конечно, власть боролась с ними. И милиция работала сноровисто и оперативно. Но истребить этот вездесущий бурьян просто не хватало сил и времени.

Поэтому естественным решением для восемнадцатилетнего Саши, слесаря Кунцевского игольно-платинового завода, стало заявление в Кунцевский райотдел УМГБ СССР Исполкома Московского областного Совета народных депутатов.

И первое, что внедрили в его голову старшие товарищи, было уважение к соратникам и к людям, которых они защищали.

Отсюда проистекало, пожалуй, главное правило его работы: жизнь каждого человека самоценна, она не разменивается на полумеры.

Именно поэтому выстрелы в чуткой серой тишине прозвучали для него как гром среди ясного неба. Это означало только одно – где-то он не додумал как руководитель. И сейчас в кого-то из его людей летел заряд дроби. Из оружия, которого не должно здесь быть...

Последний барьер из завядшей клумбы, обложенной кирпичом, он просто перемахнул, благо стремительно сереющее небо давало достаточно света. Сзади грохотал сапогами Никоненко.

Мгновенно оценив обстановку, Меркульев выскочил на поляну перед домом.

Диспозиция выглядела совсем плохо. Возле входа на земле сидел Марат, придерживая голову лежащего человека. В доме слышались грохот бьющейся посуды и громкий мат, перемежающийся звуками ударов.

Майор резко выдохнул, признав лежащего человека, – Сашка! Рахманов не дал расклеиться сознанию.

– Туда, Саныч! – сквозь зубы прорычал он, махнув окровавленной рукой в сторону чернеющего леса. – Я ранен! Туда они ушли!

Быстрее всех отреагировал Никоненко.

– За мной, – приказал он запыхавшемуся Свиренко, – в старицу уходят! На Лохин остров...

Он рванул в кусты. Свиренко получил разрешение майора и, совершенно несообразно со своим гигантским весом, шустро стартовал следом.

– Сколько? – спросил Меркульев.

– Пятеро. Серьезные... Обрез я забрал. – Марат махнул на машину. Майор посмотрел в ту сторону и увидел еще одно неподвижное тело. Вдохнул и присел на корточки. Заглянул в белеющее лицо Сашки.

– Жив? – Голос предательски дрогнул.

Рахманов сглотнул:

– Нет...

У майора закружилась голова. Ему приходилось терять сотрудников. Но здесь, во время такой, казалось бы, простой операции... Да еще и Сашка. Мальчик, к которому он питал почти отеческие чувства...

Из дома начали выходить спецназовцы, выводя скрученных бандитов. Разгоряченный Лысюк, потирая окровавленную щеку, подошел к Меркульеву.

– Всех взяли, товарищ майор, один убитый, – он покосился на понурившегося Марата, поправился: – Двое убитых, трое раненых...

Двор начал заполняться возбужденной толпой. Майор выхватил взглядом Лункина.

– Игорь – за старшего! Организуй автозак! – Повернулся к Лысюку: – Сергей, пятеро ушли в лес. Передавай задержанных дээндэшникам и участковым, Лункин справится, и – за мной!

И, не оборачиваясь, побежал вслед за Никоненко.

Уже основательно разогнавшись, пришлось резко тормозить. В кустах, за углом дома, ему открылась удивительная картина. По вытоптанной траве, изредка выдыхая проклятия, крепко сцепившись и иступленно мутузя друг друга, катались два человека.

Несмотря на покрывший обоих слой грязи и прошлогодних листьев, майор узнал давешнего «мстителя». Второй – по виду такой же молодой человек, с разметавшимися рыжими волосами.

Сзади остановившимся поездом затормозили милиционеры. Несколько долгих секунд все изумленно смотрели на арену боя.

– А ну. – Меркульев схватил за шиворот «своего» и попытался разнять бойцов. Очнувшиеся спецназовцы скрутили второго.

– Ты что творишь?! – прошипел майор в чумазое лицо Самохина.

– Это он, товарищ майор! – восстанавливая дыхание, выпалил Борис. – Это он меня ограбил, он подпоил, скотина!

И попытался двинуть противнику в ухо. Меркульев резко пресек его попытку, дернув за воротник.

– Стоять!

Он огляделся. Позади, улыбаясь во весь рот, двое бойцов держали сердитого парня. Майор устало выдохнул – вот ведь незадача...

– Так! Этого – к Лункину! – приказал он Лысюку. – Ты! Пойдешь со мной! Но если дернешься без приказа... – Майор сурово глянул в серые глаза парня и поднес ему под нос кулак.

Путь Никоненко и Свиренко легко читался по глубоким следам на мокрой траве и по обломленным веткам. Пространство между околицами последних дач и речным урезом, состоявшим из сплошной стены кустарника, ив и тополей, представляло собой болотистую низменность. В углублениях между кочек змеились серебристые полосы поднимающегося тумана.

Едва пройдя несколько метров по проломленному туннелю, команда услышала приближающийся топот и хруст под тяжелыми шагами. Спецназовцы, все как один имеющие реальный боевой опыт, мгновенно рассредоточились. Меркульев переглянулся с мгновенно собравшимся Самохиным и сжал пистолет двумя руками.

Молодой человек встал за спиной майора и принял боевую стойку. Меркульев отметил этот момент и пристально взгляделся в кусты. Через несколько секунд опустил оружие и успокаивающе махнул рукой.

На вытоптанную полянку вышли грязнющие Никоненко и Свиренко.

– Ушли, гады... – виновато развел руками Тарас Иванович. – Рассыпались в разные стороны, Сан Саныч... Очень умелые, однако...

Меркульев быстро взглянул в спокойные глаза гиганта. Свиренко молча кивнул.

Н-да... два опытных охотника потеряли в старице пять человек... Он задумался. Что за дичь ушла из западни? Охотились на тетеревов, а нарвались на волков. Опасных и умелых...

– Саныч... тут еще... – Никоненко протянул Меркульеву небольшой матерчатый пакет. – В кустах лежал, чистенький. Эти кинули, видать...

Майор покрутил пакет. Легкий. Связанный шпагат легко развернулся в колечки, открывая любопытным взглядам внутреннее содержимое.

А оно, стоило признать, было весьма интересным.

На куске серой материи лежали два стеклянных шприца, алюминиевая закопченная столовая ложка, резиновый жгут и небольшой, но туго натянутый целлофановый мешочек, наполненный белым порошком.

Несколько секунд мужчины тупо разглядывали содержимое.

– Наркоманский набор, – вновь неожиданно проявил свои познания Свиренко.

Он аккуратно взял мешочек и понюхал его.

– Точняк, наркота. – Он вернул мешочек на место и пожал плечами на вопросительный взгляд Меркульева. – Брали мы раз банду. Иванченко помните? Летеха, черненький такой? Он все про них знает... он мне и рассказал про эти штуки.

– А ложка на хрена? – просунулся любопытный Самохин.

– Чтобы было до хрена, – пробурчал Свиренко, – варят в ней дрянь свою... потом колются.

Меркульев пожал плечами и молча свернул улики обратно в ткань. Потом разберутся. Сейчас другим нужно заниматься.

Сердце защемило, кровавая пелена гнева начала туманить сознание.

Вспомнилось – «Сашка!»

Меркульев привычно быстро взял себя в руки. Осмотрел свой отряд:

– Возвращаемся!

Глава 6

Еще не было десяти утра, а солнце уже нещадно плавало Москву. Просматриваемая насквозь улица Белинского пульсировала в раскаленном мареве.

Сворачивая с улицы Герцена, Меркульев аккуратно обошел ступени Зоологического музея. До главного подъезда оставалось метров пятьдесят, и он задержался у арки между домами. Нашел подобие тени и, переложив тощую папочку под мышку, вытряхнул из пачки папиросу. Снял фуражку, вытер пот. До назначенного часа оставались считанные минуты, но майор решил дать себе маленькую передышку.

Затянулся, автоматически поздоровался с проходящими коллегами. Пересмотрел в голове план разговора. Шутка ли – три генерала ждали его доклада!

Не найдя особых замечаний, решительно шагнул под золотую вывеску: «Главное управление внутренних дел исполкома Московского областного Совета».

Адъютант Цепкова, пожилой майор, имени которого визитеру не сообщили, внимательно оглядел Меркульева. Под его цепким взглядом милиционер подобрался, одернул почти новенький мундир. В приемной царил прохладный полумрак, разительно отличающийся и от знойной душегубки городских улиц, и от замкнутых коробок райотдела.

Тихо звякнул телефон на столе, и адъютант едва заметно кивнул. Меркульев потянул на себя тяжелую дубовую дверь.

Генерал-лейтенант Цепков, основательный, слегка грузный мужчина с круглым тяжелым лицом, сидел вместе с Лентищевым и Добросклонским за приставным столиком. Перед ними стоял металлический чайник, широкая ваза с баранками и сахарница.

Откинувшись на спинки, расслабив галстуки и расстегнув верхние пуговицы форменных рубашек, генералы по-простому гоняли чай из граненых стаканов в серебряных подстаканниках.

– Здравия желаю, товарищи генералы! – по-уставному гаркнул Меркульев.

Цепков поморщился, отставил стакан и приглашающе махнул майору. Меркульев профессиональным глазом отметил наличие пустого стакана на столе.

– Проходи, Саша, наливай себе чаю. Владимир Николаевич вот индийским угощает.

Неловко зажав папку под мышкой, майор присел на пустой стул.

– Да ты папочку-то отложи... – усмехнулся генерал, – успеешь еще...

Меркульев развернулся и, не вставая со стула, дотянулся до стола для совещаний, огромная поверхность которого бликовала темным лаком, деля немаленький кабинет на две равные части. Несколько графинов, окруженных перевернутыми стаканами на стальных подносах, ледяными айсбергами плыли в прохладе кабинета. Тяжелые шторы отсекали привычный шум центра Москвы, даря приятное чувство комфорта.

– ...Вот, например – дарджилинг, – продолжая гастрономический экскурс, проговорил начальник управления кадров Главка, неодобрительно кося глазом на диссонирующую папку на столе, – выращивается в одноименном штате. Это, я считаю, самый лучший сорт индийского чая. В марте чай собирается и обрабатывается теплым воздухом. Листья окисляются, и их специально скручивают, чтобы извлечь остаток сока. Ну а потом чай ферментируется, и его сушат окончательно при температуре 120 градусов...

«Далась им эта папка...» – подумал Меркульев.

Сам он слегка пригубил действительно восхитительный напиток и посмотрел на своего прямого начальника. Лентищев ответил прямым взглядом.

Цепков посмотрел на обоих и неожиданно рассмеялся:

– Ладно уж, хитрецы, переглядываются... – Он поставил пустой стакан и, ловко отодвинув стул, с кряхтением поднялся.

Следом вскочил Добросклонский. Лентищев степенно, но также быстро поднялся на ноги. Меркульев, очнувшись, вскочил следом за генералами, схватил злополучную папку и замер в стойке смирно.

Атмосфера резко изменилась. Дружеское чаепитие закончилось, началась будничная работа.

Авторитет Василия Константиновича в управлении был непререкаем. Человек, практически создавший областной Главк, прошедший и фронт, и суровую партийную школу, умел и любил работать. И еще он знал цену своим сотрудникам – от дежурного милиционера до генерала.

Цепков обогнул маленький приставной столик с большим пультом и несколькими телефонами.

– Так, товарищи офицеры, – строго проговорил он, усаживаясь в кресло, стоящее под большим портретом Ленина, – прошу садиться...

Нажал на кнопку селектора:

– Арсений Петрович! Занят!

Откинулся и посмотрел на сающихся офицеров. Отметил, что Меркульев сел рядом со своим начальником.

– Итак, Александр Александрович, мы ознакомились с твоим докладом. – Он пододвинул к себе пухлую папку. Побарабанил по ней пальцами. Оглядел присутствующих. – При-знаю, работа проведена колоссальная... но вот выводы... – Он посмотрел на начальника угро: – Василий Михайлович, вы согласны с предложением товарища майора?

Генерал выпрямился и четко произнес:

– Так точно, Василий Константинович! Мы рассмотрели все возможные варианты и пришли к однозначному выводу: все указывает на наличие разветвленной преступной группировки, включающей руководство МЖД...

– Подозреваемые? – быстро проговорил Цепков, сразу ухватив суть.

– Пока – нет, товарищ генерал, но связи неоспоримые... – не смутился Лентищев, – а пока есть только зацепки... Александр Александрович изложил свое мнение, и я с ним, в общем, согласен.

– Но такая операция требует согласования с... – Цепков поднял палец вверх, – и я совсем не уверен...

– Увы, Василий Константинович, время работает не на нас. Через неделю задержанные уйдут по этапу. Все они – рецидивисты и намотали на приличные сроки. И пока у нас есть только один ключик ко всей этой братии... – Лентищев заглянул в листок: – Первацкий Дмитрий, 1957 года рождения. Он опоздал на сходку и был задержан отдельно, поэтому не засветился при задержании. На него у нас есть показания потерпевшего – Самохина Бориса, есть показания свидетелей, и в общем все готово для передачи дела в прокуратуру и суд...

Цепков откинулся на спинку кресла и, постукивая пальцами по папке, внимательно посмотрел на начальника угро:

– И?

– Мы предлагаем воспользоваться неоспоримой виной Первацкого и склонить его к помощи по внедрению нашего человека в преступную группировку, – невозмутимо закончил Лентищев.

У Цепкова заиграли желваки. Он хлопнул по папке и, почему-то глядя на Меркульева, прыснул:

– Вам мало потери сотрудника на прошлой операции?! Два месяца полоскания Главка на всех уровнях! А ведь это твой человек, майор!

Меркульев встал и сухо отрапортовал:

– Так точно, товарищ генерал! Мой человек! И мне, вы прекрасно знаете, безразлична судьба каждого сотрудника! Соратника, товарищ генерал! Но если мы сейчас не прищучим эту козлу, его смерть будет напрасной! Война есть война, на ней гибнут самые лучшие, к сожалению...

Он выдержал тяжелый взгляд начальника. Генерал после небольшой паузы провел ладонью по лицу.

– Ох, ребята, – проговорил он под прицелом шести глаз, – что со скрывшейся группой? Выяснили личности?

– Никак нет, товарищ генерал! – Меркульев продолжал стоять. – Владельцем белых «Жигулей», госномер 49–46 МОД, являлся погибший в перестрелке гражданин Зураб Чавадзе, проживавший в Москве. Он же стрелял в Патрушева... – Майор немного замялся, потом продолжил: – Задержанные участники банды все как один молчат. Явно запуганы, Василий Константинович! Но ясно одно: этот «кто-то» – действительно важная птица, не задумываясь подставившая своего подельника. Первацкий на допросе описал Чавадзе как одного из гостей, пришедших к их главарю. Он, к нашему сожалению, не был допущен к «старшим» – слишком мелкая сошка, но отметил, что разговор был очень серьезный...

Генерал пожевал губами, затем быстро глянул на невозмутимо сидевшего начальника кадров. Перевел взгляд на Лентищева:

– Василий Михайлович, предложенная схема имеет изъяны? Вы все просчитали? В случае провала... – он потер шею, – головы наши полетят. Товарищи не простят таких ошибок...

Лентищев таким же жестом потер шею и пожал плечами.

– Риск есть везде, Василий Константинович... – устало проговорил он.

Оба перевели взгляд на все еще стоящего майора. Меркульев мгновенно ощутил смертельную усталость – опять эта безумная ответственность, преследующая его всю жизнь.

Вновь и вновь решение задачи зависело только от его ответа. Безусловно, старшие командиры брали на себя свою долю этой тяжелой ноши, но претворять план предстояло только ему, и ему же отвечать за неудачу.

– Мы сделаем все возможное... и невозможное, – поправился он, увидев, как дернулась бровь начальника.

Генерал пристально посмотрел ему в глаза, затем перевел взгляд на Добросклонского.

Тот прокашлялся и достал из кармана пачку сигарет «Родопи».

– Можно? – Дождь кивка начальства. С видимым удовольствием прикурил сигарету и выпустил сизый дым. – Это возможно, Василий Константинович... Указ об основных обязанностях и правах советской милиции позволяет привлекать для оперативно-разыскных задач курсантов Школы милиции. Мы можем приказом перевести его во временное распоряжение начальника районного отдела уголовного розыска, – он кивнул на Меркульева, – но, как вы понимаете, руководить подобной операцией должен кто-то рангом повыше...

Меркульев с досадой почувствовал свое нелепое положение. Словно столб торчал он под взглядами трех генералов, прекрасно понимая подноготную всего этого спектакля, разыгрываемого исключительно для него.

Эти зубры подковерных боев все уже давно решили.

Он внезапно почувствовал робость – вернулось томление первых лет службы, когда умения и знания старших товарищей повергали его в трепет. На их фоне молодой, но энергичный оперативник выглядел словно слабый и неоперившийся птенец среди бывалых орлов.

Меркульев сглотнул и терпеливо стал ждать решения начальства. Мучительно хотелось закурить.

Цепков внезапно усмехнулся:

– Садись, Сан Саныч. Не загораживай свет...

Майор аккуратно сел на краешек стула – он прекрасно понимал, что именно сейчас менялась крайне важная для него веха в жизни.

Дураком он никогда не был и не чурался карьерного роста, но сейчас происходила невидимая и непонятная для него игра, в которой у него была прописана четко выверенная роль.

Бригелла, Арлекин или, может, Капитан – бог весть...

Цепков проницательно взглянул в глаза майора. Он понял, что думал сейчас Меркульев.

– Ну что ж... – Генерал отодвинул от себя пухлую картонную папку с делом и достал из секретера лист бумаги. Не спеша вытянул авторучку из резной карандашницы.

– Заслужил, Александр Александрович!

Он поставил размашистую подпись, зачем-то подул на листок и встал. Оглядел вскочивших офицеров и торжественно произнес:

– Приказом по Главному управлению внутренних дел исполкома Московского областного Совета назначаю майора внутренней службы Меркульева Александра Александровича на должность заместителя начальника уголовного розыска ГУВД с присвоением ему очередного воинского звания! Поздравляю вас, товарищ подполковник!

Он передал приказ Добросклонскому и крепко пожал руку ошарашенному Меркульеву. Затем опустился в кресло и разрешающе махнул остальным. Подмигнул:

– Погоны потом закажешь... ну и стол, естественно... Все потом. – Он посерьезнел: – А пока – работаем. Министру я доложу, операцию одобряю. Курсанта завтра заберешь в свое распоряжение, Дашков в курсе. Давайте, товарищи офицеры, еще раз пробежимся по плану. Лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть...

Глава 7

За проведенные в управлении семь часов погода изменилась кардинально. Сухая жара сменилась липкой духотой, вдали ощутимо рокотало. Стремительные смерчки заворачивали в воздушные кульки мелкий мусор и пыль.

После суеты последних часов, проведенных в прохладном здании, ощущение влажного предбанника немного выбивало из колеи.

Меркульев мельком глянул на наручные часы, в очередной раз убедился, что время все же движется вперед. Скомкал пустую папиросную пачку – выкурено было столько, что впору было выжимать никотин из легких.

Из парадного подъезда стайками выходили сотрудники, шумно и многословно растекались по обеим сторонам улицы к станции метро и автобусным остановкам – рабочий день подошел к концу.

Меркульев меланхолически покрутил в руках фуражку и со вздохом водрузил ее на голову. Усталость медленно разъедала стальной стержень, держащий его на плаву в течение дня.

Пора было двигать домой – завтра предстоял очередной горячий денек. Ничуть не отличающийся от остальных...

Стандартный маршрут – пешочком до зеленой линии метро, на Свердлова, под землю. Метрополитеном до Каширской, а там опять пешком до родной Котляровской. Ну или на электричке до Чертаново...

Меркульев еще раз глянул на часы. К черту...

Голова гудела, но он понимал – если не обдумать, не разложить все в собственном сознании по полочкам, мысли будут крутиться по кругу, выматывая физически.

Поэтому – вперед, ногами стимулировать мозг! Ему нравилось одно место в районе Курского вокзала – «пышечная» на пересечении Казакова и улицы Чкалова. Тем более желудок сигнализировал о времени вечернего приема пищи – обед в столовой управления давно забылся.

Он решительно зашагал в сторону Кремля.

Москва приняла его в объятия, попеременно, через улицы, погружая в свои вековые тайны. Улица Разина, переходящая в Забелина, которая родилась как исконная Варварка в сердце Китай-города, – древние палаты, храмы и церкви. Потом Покровка, Чистопрудный бульвар и прямоком до Садовой-Черногрязской. Затем направо на Земляной Вал до пересечения с Казакова...

Хотя нет, не так! По-новому – по Чернышевского до Чкалова...

Старые-новые названия не меняли самой души Москвы – город много чего пережил в своей долгой жизни... Менялись люди, менялся общественный строй, но столица двигалась в потоке истории, словно могучий ледокол, – величая и равнодушная к мелким изменениям и пертурбациям.

Ноги сами несли Меркульева привычным московским аллюром, он вдыхал душный воздух, пропитанный запахом пыли и бензина, мозг работал в нормальном боевом режиме.

План, предоставленный сегодня Цепкову, вроде бы учитывал все нюансы, но была в нем одна маленькая загогулина, заноза, терзающая майору нервы.

Вся задержанная братия была действительно испугана до неприличия. Мелкая шпана не ожидала такого эффекта от своих ночных приключений. А вид двух трупов привел их в состояние шока – сто вторая «мокрая» статья совсем не входила в жизненный план хулиганов.

Меркульев не преминул на допросах уточнить, что второй погибший – сотрудник милиции, это позволило еще действеннее развязать языки задержанным...

«Работники ножа и топора» выложили все – сдали друг друга с потрохами. Наговорили на несколько десятков лет тюрьмы...

Вот только про того, кто приходил к ним этой ночью, выяснить так и не удалось. Единственный человек, имеющий информацию, – главарь группировки Ладынский, так и не раскрылся... Зоны он боялся меньше, чем встречи с ночным гостем.

Сколько ни бились Меркульев и старший следователь Коробейников – результат был нулевой. Зацепка через Чавадзе также привела в тупик. Обыкновенный барыга, любитель халявных денег и сомнительных компаний. Меркульев с омерзеньем вспомнил допрос его родственников – крикливых и наглых торговцев.

Кроме всего прочего, выяснилась весьма неприятная подробность – во всех шалостях грабителей, вовсю пользовавшихся клофелином, были замешаны сотрудники линейных отделений милиции...

Схема была простая: в ночных вагонах электрички вычислялись одинокие подвыпившие мужчины. К ним подсаживался близкий по возрасту бандит и разными способами уговаривал жертву сделать глоток из бутылки с разведенным веществом. Человек терял сознание, его сообщая, изображая пьяную компанию, выводили из вагона и грабили. Все было рассчитано: и психология, и скорость движения электрички, и контингент пассажиров. Умный пошел преступник...

Если редкие жертвы, преодолев неизменную амнезию, обращались в отделение милиции, то «свои» сотрудники умело гасили праведный гнев, запугивая или уговаривая потерпевших.

Но не только эта, сама по себе отвратительная, деятельность привлекла Меркульева к разработке плана. В некоторых показаниях задержанных, несмотря на их отчаянное сопротивление, мелькала любопытная информация – с некоторых пор действия преступной группировки начали управляться единой силой. Кто-то весьма влиятельный в преступном мире начал подбирать под себя мелкие банды, орудующие на железной дороге.

Криминальных авторитетов Меркульев отмел сразу – не обладали «родные» урки нужной технической квалификацией. Да и чужда была им такая узкая направленность.

Коробейников, старый и опытный сыскарь, сразу запросил оперативки по «железке» за год. Вместе они проанализировали поток происшествий и сразу же наткнулись на очевидную закономерность – рост преступлений на Казанском направлении.

Железная дорога от одноименного вокзала уходит на рабоче-крестьянский восток Москвы и Подмосковья, проходя через Выхино и Люберцы, затем сворачивает на казанский ход. Причем здесь же как раз участились и характерные грабежи грузовых вагонов. Странные, нужно отметить, грабежи...

Пломбы на опечатанных вагонах оставались целыми, а имущество и товары пропадали. Чаще всего это были продукты питания и лекарства... Оно и понятно – сбывать подобный трофей легче легкого. Дефицит всего и вся разъедал советское общество.

Спецраспределение, «колбасные» электрички, блат и «нужные» связи... Каждому жителю необъятной Родины были знакомы эти волшебные слова. Целыми семьями люди выезжали в крупные города, обманывая хитрую систему. Затаривались всем, чем было можно: колбаса, кофе, рыба, сыр – все, чем не могла в должном количестве обеспечить жаждущих граждан плановая экономика СССР.

Ну а восемь миллионов москвичей потребляли все. Нескончаемым потоком в столицу двигались эшелоны с продуктами, товарами и изделиями. Что, несомненно, привлекало всякий криминальный сброд.

Скромному до неприличия Меркулеву было не понять своих сограждан. Но, видя такое, он не мог не возмущаться изощренности преступников.

Продумано было все – время прохода товарняка, ассортимент грузов. Это убедительно доказывало наличие обширных связей и глубокие знания ситуации. Скорее всего, не исключалось и покровительство неизвестных чинов транспортной милиции.

Меркульев не питал иллюзий по этому поводу. Сволочей хватало везде – люди, отравленные самолюбием и жадностью, стремились во власть. Это не было проблемой, это всего лишь затрудняло расследование – приходилось опасаться распространения информации. Но и это можно было купировать. А вот нежелание прямого начальства давать «зеленый свет» полноценному расследованию напрягало.

Будучи подчиненным начальнику РОВД, Меркульев старался особо не давить на него, понимая щекотливость вопроса. А может, и предвеля неприятное открытие...

Именно поэтому пришлось пойти на нарушение субординации – благо начальник угро Главного управления Лентищев давно знал майора и не раз ставил его в пример своим сотрудникам. Прямое обращение принесло свои плоды. И дело даже не в изменении количества звезд на погонах – Меркульев не понаслышке знал об изменчивости судьбы, – дело было как раз в пока еще туманных подозрениях.

Мучительно захотелось курить. Меркульев, не прерывая размышлений, заскочил в удачно подвернувшийся гастроном. Уж что-что, а табачная промышленность СССР работала отлично – выбор папирос для любителя крепкого табака был обширный: «Казбек», «Беломорканал», «Север», «Ялта» и, конечно, легендарная «Герцеговина Флор»...

Увы, стоила она семьдесят копеек – цена более чем значимая для советского милиционера.

С удовольствием втянув табачный дым, Меркульев зашагал дальше.

Итак, что мы имеем? Существует некая группа грамотных и умных преступников, предположительно работников железной дороги, настойчиво и изобретательно избавляющая советский транспорт от излишков веса. Есть покровители в милиции. Есть небольшая армия исполнителей – мелких бандитов и рядовых работников. А в прикупе – сомнительный план, рассчитанный на использование зеленого юнца...

Н-да... слабый такой мизер. Меркульев от досады сбился с уверенного шага – план был продуман до мелочей, но базировался на очень большом допущении.

Взгляд зацепился за нарисованную белым мелом на стене стрелочку. Меркульев остановился и огляделся. Где-то во дворах слышались азартные детские крики. Улыбка против воли оживила его лицо.

«Казачьи-разбойники»! Боже мой, сколько поколений советских детей играют в эту игру!

«Красная печать – нельзя убежать...» Как было бы прекрасно, если бы эта команда действовала на преступников и в жизни! Увы...

Он двинулся дальше, продолжая размышлять.

Начальство, безусловно, понимало слабость его расчетов, но оставляло реализацию (и ответственность, как же без нее) на совести Меркульева.

Пока еще майор тоскливо вздохнул. Завтра будут встречи, будет адская работа, переезд в управление, назначение вместо себя Лункина, много слов и дел...

А пока нужно идти вслед за садящимся солнцем, сквозь духоту и хмарь летней Москвы. Туда, где чувствовался первый, еще неуверенный, но неизбежный рокот приближающейся грозы.

Глава 8

Коридоры учебного центра, терпко пахнувшие разогретой масляной краской, слепили глаза идеальной чистотой. Хрустальной прозрачности стекла линовали вышколенный деревянный пол – начальство Школы милиции ГУВД определенно знало, чем занять курсантов в свободное время.

Дневальный, уныло дежуривший у знамени, отдал честь его новеньким подполковничьим звездам и неодобрительно покосился на запыленные ботинки. Меркульев внутренне усмехнулся – он еще не привык пользоваться служебным автомобилем, поэтому по старинке передвигался пешком, ловя в отражении автобусных стекол удивленные взгляды пассажиров.

Добираться до древней местности и вправду было долго. Предприимчивый купец первой гильдии Дмитрий Расторгуев, купивший в далеком конце семнадцатого века земли села Тарычево Сухановской волости, явно не прогадал с покупкой – безвозмездный вклад в строительство железной дороги Москва – Павелец не только позволил выгодно перепродать эти земли дачникам, но и на века оставить свое имя в подмосковных летописях.

Хотя, нужно признать, и гражданином он был ответственным, как и все его потомки – кроме своих купеческих дел, они дружно строили и ремонтировали в Москве храмы и монастыри. Нужно это было или нет – история об этом умалчивает, но сам поселок имени купца рос и развивался, пока в конце концов не волился в состав города Видное.

Электричка, а затем и автобус принесли Меркульева в чудесные подмосковные места. Чистейший воздух, пение птиц в умытом прошедшей грозой лесу настраивали на такой умиротворенный лад, что впору было забыть обо всех неприятных делах и заботах...

Большую часть дороги он прошел по привычке пешком, любуясь Расторгуевским парком, проходя через мост над рекой Расторгуевкой, заканчивающейся Расторгуевским же прудом, пока не уперся в ворота Учебного центра ГУВД Московской области, расположенного аккурат между усадьбой Суханова, Екатерининским монастырем и Видновской больницей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.